УДК 398(=511.131)

Т. Г. Минниахметова
г. Инсбрук
Р. Р. Садиков
Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН
г. Уфа

Языковые особенности народных молитв закамских удмуртов (на примере записи В. К. Кельмакова)

В 1971 г. В. К. Кельмаков записал молитву *Быдӟыналын куала куриськон* (молитва в Великий день в святилище *куала*) у удмуртского жреца рода *Ӟумня* Исламши (Ислама) Арманшина в с. Нижнебалтачево Татышлинского района Башкирии. Данный текст является уникальным памятником удмуртского фольклора как по содержанию, так и по лингвистическим особенностям.

В статье проводится лингвокультурологический анализ данной семейно-родовой молитвы, рассматривается семантика архаических слов и выражений, показывается наличие слов персидско-арабского происхождения через тюркские заимствования.

Ключевые слова: Кельмаков В. К., молитва-*куриськон*, закамские удмурты, семантика.

Способы построения удмуртских молитв-*куриськон* – целенаправленных обращений к сверхъестественным силам в конкретной социальной среде и специальной ситуации, т. е. обряде, – позволяют их оценивать как художественное произведение, текст, имеющий поэтическую организацию, а его сущность представляет своеобразную инкантацию.

В прошлом удмуртские *куриськоны* представляли собой устное народное творчество; богатство и многообразие их содержания зависело от жреца, который владел и поэтическим словом, и способностью обширно охватывать желаемые и необходимые для жизни условия и затрагивать ее первоосновы / сущности. Такое творчество действительно обязано было быть только устным; этому обучался потенциальный жрец, прислушиваясь к молитвам во время обрядов, и в последующем принимал обязанности предыдущего. Причиной этому служит, вероятно, «устный характер культуры, в которой основной формой регуляции деятельности оказывается речь» [Новик 1995].

Согласно обнаруженным учеными сведениям, первые зафиксированные и записанные тексты *куриськонов* удмуртов относятся к концу XIX в., они представляют работы исследователей, а не записи самих жрецов или обычных верующих удмуртов.

В последние десятилетия стала популярна тенденция сочинения и представления некоторыми жрецами своих текстов-*куриськонов* во время обрядов-молений. В основном они составляются и записываются по образцам традиционных текстов с некоторыми дополнениями, касающимися актуальных проблем текущего времени или пожеланий индивидуального характера.

Ниже предлагаем для рассмотрения расшифрованный с аудиозаписи текст одного удмуртского *куриськона*. В 1971 г. В. К. Кельмаков [Фаршатов 1971] записал молитву *Быдӟыналын куала куриськон* (молитва в Великий день в святилище *куала*) у удмуртского жреца Исламши (Ислама) Арманшина в с. Нижнебалтачево Татышлинского района Башкирии. Продолжительность данной молитвы 11 мин. 38 сек. [Authentic 2011; Летние моления] и формально состоит из двух частей. Первый вариант расшифровки этой аудиозаписи уже опубликован в сборнике молитв закамских удмуртов «Камсьӧр удмуртъёслэн куриськонъёссы» [Камсьӧр 2023: 40–47]. В данной статье предлагаются новые расшифровки некоторых

слов и выражений, а также варианты литерации тех мест текста, которые не удалось сделать при первой попытке. Тем не менее, в каких-то случаях, возможно, небезупречны наши «догадки» и опознания некоторых слов и выражений в связи с быстрым темпом его произношения жрецом и неясностью некоторых выражений из-за специфики локального диалекта или по причине их отсутствия в настоящее время в живой речи. Как указывал В. К. Кельмаков в своем исследовании, «словарный состав удмуртского языка еще, к сожалению, крайне слабо изучен» [Кельмаков 2017: 887], поэтому их аналоги не имеются в разного рода словарях или каких-либо тематических диалектологических сборниках, лишь некоторые можно обнаружить в «Приложении к диссертации» по закамским говорам, составленным Р. Ш. Насибуллиным [Насибуллин 1972]. Наши идеи и анализ представляют попытку разъяснения диалектных и заимствованных слов и понятий. Текст данного *куриськона*, безусловно, является уникальным в удмуртской культуре как по содержанию, так и по лингвистическим особенностям. Мы попытались провести лингвокультурологический анализ указанной молитвы с раскрытием семантики и этимологии архаических и заимствованных слов и выражений, обрядовые предпосылки терминологии, значения обращений в молитве и программирующую роль самой молитвы.

Это семейно-родовая молитва, она являлась достоянием воршудного рода *Ӟумня*. Название рода представляет диалектный вариант от *Юмья*. Несомненно, жители (или ее часть) деревни по происхождению являются представителями этого рода и принадлежали роду *Юмья*; вероятно, они переселились из одной из перечисленных удмуртских деревень и сел: д. Старая Юмья (Алнашский район Удмуртии), д. Старая Юмья, д. Верхняя Юмья, с. Ошторма-Юмья, с. Старая Кня-Юмья (Кукморский район Татарии). В этих населенных пунктах проживают удмурты или в большинстве удмурты и в настоящее время.

Итак, в празднование *Быдӟынал* кульминационным был обряд моления в святилище *куала*, при проведении которого старший жрец рода или старший член семьи молился. Как и во многих известных и распространенных удмуртских молитвах, данная также начинается вступительной частью с обращением-призывом *Ӧстэ*. Слово *ӧстэ* подробно рассмотрено В. В. Напольских [Напольских 1997] и А. В. Камитовой [Камитова 2023]. Продолжая их идеи, следует предложить еще одну: возможно, это слово происходит от персидского استاد [ustaad], что в современном персидском языке переводится как «профессор (т. е. преподаватель, учитель; дающий знания, советы; владеющий знаниями, мудростью)». Во многих переводах на русский язык этот термин дается как «всевышний», значит, всемогущий, способный видеть, понять и влиять на все. В удмуртский язык слово проникло из тюркских языков. Со временем оно, судя по

всему, деэтимологизировалось и под влиянием православия стало восприниматься как «господи». А, возможно, первые переводы удмуртских *куриськонов* на русский давались именно через это понятие, поскольку исконное значение слова было уже забыто или неизвестно исследователю-переводчику, а в православии же отсутствовал точный эквивалент подобному термину. Последующие же переводы подстраивались к первым, и никто уже не искал исконного значения слова. Оно активно в речи удмуртов и сегодня, имеет и другие значения, но его смысл в молитвах особенный, каким его определил еще Г. Е. Верещагин: «сакральное для удмуртов слово» [Верещагин 2000: 227].

Как и во всех распространенных *куриськонах*, после слова-обращения *ӧстэ* называются имена божеств, на благоволение которого / которых рассчитаны молитва и само мероприятие – обряд. Поскольку здесь мы рассматриваем воршудно-родовой пример, то и обращения своеобразны и адресованы как своему покровителю, так и другим божествам: *Ӟумня сьэськэ* – мой цветок *Ӟумня*; *ӟугыт Иммäре-Кылчинэ* – мой светлый Инмар-Кылчин; *ӟугыт Кылчинэ* – мой светлый Кылчин.

После обращения к божествам указывается цель и причина происходящего события, что начинается с конкретизирующего слова-выражения *тӟни*, что значит «вот (здесь), в данный момент», т. е. именно сейчас и на этом месте на обряде обращается жрец совместно со своими сородичами с их просьбами и желаниями к богам и покровителям. Как раз с этого момента всевышнему-творцу сообщается, что весь род единодушно, единогласно – *огкылсимись* – с круглыми-целыми караваями – *тыр няньёсын* – кланяется-молится, повторяя и продолжая унаследованную от предков сохраненную в памяти установившуюся традицию – дни нашего Великого дня – *Бӧдӟыналъёсмес* (букв.: наши Великие дни). С помощью подачи этих понятий во множественном числе, – хотя в действительности они таковыми не являются, – демонстрируются их прославление, восхваление, высокое почитание. Это один из способов преувеличения / гиперболизации значения и ценности явления через приемы языка. Понятие *тыр нянь* – это совершенство, достаток в широком смысле этого слова; прежде всего это символ вселенского масштаба и планетарного в образе хлеба-солнца, благосостояние и благополучие как материальное, так и духовное, и физическое. *Нянь* обозначает не только «хлеб» как пища, продовольствие, но это источник всех благ. Моление-обращение с целым караваем подразумевает получение желаемого всецело, т. е. отражение во всем в полной мере как цельный каравай; каравай подразумевает круглоту, если он имеет такую форму, значит все пребывает в поступательном движении.

Далее следует основная часть молитвы, т. е. «собственно заклинание, включающее все многообразие просьб к божествам», по определению структуры *куриськонов* В. Е. Владыкиным [Владыкин 1994: 297].

Первая же просьба представляется метафорично через то же понятие «хлеб» – *тыр нянь кадь тырлык-бурлык, шудбур, азинлыкзос…* – как цельное благо – хлеб – чтоб обеспеченность-достаток-изобилие-добро, счастье, успех предоставлял бы им их светлый *Иммäр-Кылчин*.

Во многих удмуртских молитвах часто встречается слово-понятие *ко́зма*. Данный термин в форме глагола *козманы* ‘благословить’ проанализирован на многочисленных примерах из письменных документов различного времени и характера В. К. Кельмаковым [Кельмаков 2017: 887–896]. «Вышеназванный глагол оказался лексемой с неизвестной этимологией, но с предельно длительной (разумеется, в масштабах удмуртской письменной традиции, возникшей лишь в XVIII столетии) историей: впервые он был отмечен в 1785 г. в форме образованного от него отрицательного причастия (*козмамътѐ* ‘непростимый’) [Кротов 1995: 91; цит. по: Кельмаков 2017: 888]. В последующем исследовании также дается этот термин с переводом: «это деэтимологизированное слово, употребляющееся в качестве глагола ‘благословить’» [Камитова 2023: 283]. Мы попытаемся представить соответствия из тюркских языков, приобретших подобные понятия из других языков под влиянием ислама. В башкирском и татарском языках есть понятие *оста* «мастер». Как и в удмуртском (о понятии *осто* / *ӧстэ* см.: [Напольских 1997]), в татарском и башкирском языках при удивлении или испуге говорят *әстагыфир(улла)* / *әстәгъфирулла* и *әстәгәфир(улла)*, возглас переводится как ‘просить прощения’, но в понимании носителей языка он означает выражение ‘боже / боже мой’, ‘господи’. Действительно, этот возглас, состоящий из компонентов *әста*, *гафир-*, + *улла*, несомненно, является заимствованием из арабского أَسْتَغْفِرُ [osteghver] «прошу прощения»[1]. Подобно этому выражению, удмуртское *осто* / *ӧстэ* (,) *ко́зма* от «всевышний, прости» под влиянием как ислама, так и православия превратилось в «господи, прости», смысл которого, как и тюркских терминов, не понятен и не объясним самими носителями языков. Но следует признать, что в настоящее время глаголом *козманы* с первоначальным значением «простить» не пользуются в повседневной живой речи, а в *куриськонах*, как видно, значение до сих пор не однозначно, в новые же оно включено механически.

Рассматриваемый нами *куриськон* наводит еще на одну мысль о значении термина *ко́зма*. Каждый раздел просьбы завершается призывом *Тэ́ни(,) ко́зма!* – «Вот здесь и сейчас прими, (или) благослови!» (здесь объяснение дается только по смыслу содержания молитвы, а не грамма-

[1] Компонент *улла* (в арабском языке ﷲ [ælæ / ələ]) используется как частица возбуждения внимания или восклицания, в исламе – в качестве обращения к богу после упоминания имени Аллаха с целью выражения к нему уважения и почтения.

тическим разбором значений слов. – *Т. М., Р. С.*), подобно христианскому «*(Господи,) благослови!*». Другое предположение заключается в том, что в распространенных *куриськонах* конец каждого раздела завершает обращение *О́мин!* – т. е. «Аминь», в данном же нет ни одного такого слова-выражения. Отсюда еще одно предположение: *ко́зма!* определенным образом заменяет *о́мин!* Далее предлагаем еще одно рассуждение касательно происхождения слова *ко́зма*. Возможно, оно проникло в язык из древнегреческого κόσμος [kosmos] (точнее: κόσμ-ος) – «порядок; хороший порядок; упорядоченное устройство», позднее – «Вселенная, мир» [OED]. В удмуртском языке для такого понятия имеются слова *инсьӧр* – космос, *индунне* – вселенная. Сложно рассуждать о процессе и механизмах его проникновении в удмуртский, но смысл и значение подтверждают предлагаемую версию. К примеру, в башкирский язык внедрилось слово *йыһан* – «космос» из персидского جهان [jahan] – «Вселенная», допустимо, подобным же образом «космос» пришел и в удмуртский посредством влияния других языков и культур.

Непросто предлагать только одно предположение, хотя прослеживаются преобразования во времени и тем самым появление разнообразия значений исследуемых понятий посредством влияния других культур. Подобные явления встречаются и в других случаях, например, с трансформацией понятия и его ценности у воршуда *Имма(ла)* в традиции северных удмуртов [Шутова 2018: 71–72].

Диалектные, заимствованные и редко встречающиеся в языке слова и, возможно, архаизмы занимают значительное место в тексте рассматриваемого *куриськона*. Они в основном замещают удмуртские аналоги, в некоторых случаях играют определенную роль в связи с отсутствием термина в удмуртском языке. Ниже предлагаем рассмотреть основные из этих слов и выражений.

Ӟумня – воршуд / воршудно-родовое объединение.

Огкылсимись – единодушно, единогласно; понятие используется в живой речи и в настоящее время.

Нетӟос – намерение, цель; замысел; стремление; желание, здесь во мн. ч.; башк. *ниәт*, тат. *ният*.

Ӟиез – удм. *ез* – проволока; здесь *горд ӟиез* – медная проволока.

Мӧшо-вӧо – букв.: с медом-водой; значит: богато, с достатком. По версии Т. Г. Владыкиной, утраченная в современном удмуртском языке языковая форма может служить архаичным обозначением концепта «благодать» [Владыкина 2018: 114]. У удмуртов Закамья еще встречается это понятие в живой речи.

Люгезё-мало – от удм. *люгезь* – деньги, *мал* – богатство, имущество, состояние, т. е. жить в достатке. Здесь в составе этого выражения есть еще слово: *…сандыкед пыдсӥсь быронтэм люгезё-мало огб(ы)ро тон*

ачид карыса улысалэд ке, Ӟумня сяськае…; *огб(ы)ро* – немного-немало; в нужном объеме / количестве или то и другое по необходимости.

Имшыр – гумно; ток на гумне; в удм. есть *шынер* / *шнер* с тем же значением.

Билёёк(*ысен*) – от *бали* / *бэли* – люлька; колыбель.

Ӟönӟылык – от *йöно* – деловой; путный; толковый; целенаправленный; башк. и тат. *йүнле*.

Куад(*ӟос*) – сила, мощь; влияние; крепость; башк. *кеүәт*, тат. *куәт*.

(*Син*) *беринӟилык*(*ӟос*) (*...визьмаськыса бертымон син беринӟилыкӟос тон ачид сётыса улысалэд ке, Ӟумня сяськае.*) – благоразумие, здравомыслие (через память / по всем правилам, соблюдая все обычаи (обряды)), т. е. поступать (здесь: ‘возвращаться’) обладая разумом, мудростью, сознательно.

Кайван – животное; тат. *хайван*, башк. *хайуан*; здесь имеется в виду лошадь / конь; от перс. حیوانات [haiwanat].

Дьышмон – враг; тат. и башк. *дошман*; от перс. دشمن [dushman].

Сакласа – от *сакланы* беречь; тат. *сакларга*, башк. *һакларға*.

Тыляса – от *тыляны* пожелать; тат. и башк. *теләргә*.

Ӟауап – ответ, показание; тат. *җавап*, башк. *яуап*; от араб جواب [juap] «ответ».

Накахтантон – клевета, напраслина; напрасно, несправедливо, незаслуженно; тат. *нахак*, башк. *нахак* / *нахактан*. Здесь от видоизмененного в удм. *накахтантыны*.

Бэлэ-каза – собир. бедствия, беды, несчастья; тат. *бәла-каза*, башк. *бәлә-каза*.

Куӈыл – настроение, (дух); тат. и башк. *күңел*.

Тегиз – ровный; тат. *тигез*, башк. *тигеҙ*.

Утынйськом – от *утыныны*, просить, упрашивать; тат. *үтенергә*, башк. *үтенеү*.

Ашлы – вкусно, питательно, сытно (о зерновых); тат. *аш-*, башк. *ашлы*.

Тöлпар – крылатый / небесный конь в тюрк. мифологии; тат. *тулпар*, башк. *толпар*.

Гайратланыса – воодушевленно; вдохновленно; от тат. *гайрәтләнергә*, башк. *ғайрәтләнү*.

Кабыл (*карыны*) – благословить; благословляя принимать; тат. *кабул* (*итәргә*), башк. *ҡабул* – согласиться; из перс. قبول [qabul] «принять».

Тапшырыса – здесь в значении «принимая»; тат. *тапшырырга*, башк. *тапшырырға* – передавать, представлять.

Берекет – изобилие; достаток; башк. *бәрәкәт*; от перс. برکت [barakat] «благословить».

Башланы – начинать, приступать; тат. и башк. *башларга*.

Начальник – тж. начальник.

Сусег – от славян. *сусек* – закрома, засека.

Ызылык(*ӟос*) – умение, сноровка; искусный; сообразительный; башк. *оҫол*.

Татулык(*ӟос*) – согласие, мир; тат. *татулык*, башк. *татыулык*.

Кызмэт (*карись* – служащий; от *карыны*) – служить, нести службу; башк. *хеҙмәт* (*итеү*), тат. *хезмәт* (*итү*); от перс. خدمت [khedmat] «служить».

Текст *куриськона* представляет собой не только художественное изложение желаний и стремлений рода *Ӟумня*, через это обращение жрец со своими членами рода предопределяет и программирует будущее своего семейства и рода. В этом *куриськоне* излагаются просьбы часто в приукрашенной форме, опоэтизированными оборотами, чего в реальной жизни не бывает. К примеру, «*Тэни кизем-палькем ӟу-нэнькайёс вылэ усёнтйоссэ мамык тон ачид карыса, андан выжыен выжыятыса, выж(ы)зэ куамын куроен изь(ы)ятса, камыж куроен курозатыса, зарни шепен шепӟатыса, азвесь мульыен мульыӟатыса, коньыед бизёно кадь тегиз карса, та ӟзыедборыед сяин тон ачид кисьматыса улысалэд ке, Ӟумня сьэськэе, ӟугыт Кылчинэ*» – «Вот если бы (ты) пребывал превращая в мягкий пух / пушок падающее / спускающееся (имеется в виду ливень, град, снег и т. п. – *Т. М., Р. С.*) на наши посеянные-расплесканные зерна-хлеба, стальными корнями укореняя, корень тридцатью ростками-стеблями покрывая, камышовой соломой взращивая, золотыми колосьями наливая (колосья), серебряным орехом / плодом плодя, ровными делая (засеянные поля), (чтобы) белке (по нему) пробежать, как эти ягоды земляники-клубники созревая (посеянное зерно / хлеб), мой цветок *Ӟумня*, светлый *Инмар*».

В данном *куриськоне* есть еще одна особенность: к покровителю рода обращаются как к цветку – *сьэськэ*, т. е. *Ӟумня сьэськэе* – «мой цветок *Ӟумня*». Такое обращение к воршуду-покровителю встречается впервые в удмуртских молитвах. Видимо, такое название можно объяснить представлением, сохраняющимся у удмуртов, что воршуды иногда «улетают на цветы», и их сущность можно собрать со цветов (‘*сяська вылысь басьтыны*’), если при основании новых святилищ не удается перенести камни или золу с очага из старой *куала* [Минниахметова 2020: 190–192]. У удмуртов с. Нижнебалтачево Татышлинского района Башкирии, где была записана молитва, сохранилось предание, что при переселении за Каму у представителей некоторых родов очажные камни из святилища *куала* с прежнего места жительства упали в воду, таким образом, вероятно, «святость» для новых культовых построек была собрана со цветов. У них зафиксировано также воршудное название *Тукля сяська* [Садиков 2019: 92].

Очевидно, восприятие таких образных пожеланий себе и всему окружающему присутствующими участниками обряда вдохновляло и способствовало представлять себе образ идеального будущего. По рассказам

многих носителей культуры старшего поколения такие обряды были поистине торжественными и воодушевляли их, настраивали верить в силу всевышних сил; «эмоциональный настрой обряда» [Христолюбова 2006: 262] порождал новое душевное состояние и подкреплял умонастроение, способствуя следовать этим обычаям и справлять обряды и в дальнейшем. Как и в эпической традиции, тенденция распространения фиксированного текста означает гибель устной традиции, продолжение и развитие творчества удмуртских *куриськонов* будет сохраняться там, «где для этого есть условия и общественная потребность» [Путилов 1997: 171].

Данный *куриськон* неоспоримо-изобразительно обнаруживает тесную взаимосвязь временной и пространственной систем, их статические и динамические элементы показывают событийно-многомерный момент-обряд с отчетливым привлечением его соучастников – членов рода. Поэтическая организация рассмотренной молитвы-*куриськон*, бесспорно, представляет индивидуально-авторское творчество жреца И. Арманшина, но выполняет структурную, коммуникативную, функциональную миссию, предназначенную для всего родового сообщества.

Литература

Верещагин Г. Е. Этнографические очерки // Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск, 2000. Т. 3. Кн. 2. Вып. 1. 250 с.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. Ижевск: МонПоражён, 2018. 298 с.

Камитова А. В. Смысловое наполнение удмуртских слов *осто* и *козма* в письменных источниках конца XIX – начала XX в. // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15. № 3. С. 274–286.

Камсьӧр 2023 – Камсьӧр удмуртъёслэн куриськоньёссы / Дасязы Р. Р. Садиков, Е. Тулуз. Уфа: Первая типография, 2023. 192 б.

Кельмаков В. К. К истории одного евангельского термина в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. Т. 27. № 6. С. 887–896.

Кротов З. Удмуртско-русский словарь (= Краткой Вотской словарь съ россїйскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарїею Кротовымъ, 1785 г.). Ижевск, 1995. XX + 208 с.

Летние моления – Летние моления закамских удмуртов [Электронный ресурс]. URL: https://www.culture.ru/objects/2801/letnie-moleniya-zakamskikh-udmurtov (дата обращения: 30.07.2024).

Миннияхметова Т. В поисках удмуртских жемчужин по эстонским архивам. Тарту, 2020. 216 с.

Напольских В. В. Из удмуртской мифологии: этимологические этюды // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: сб. ст. Ижевск: Удм. ун-т, 1997. С. 116–125.

Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка. Приложения к диссертации. Рукопись. М., 1972. 332 с.

Новик Е. С. Фольклор – обряд – верования: опыт структурно-семиотического изучения текстов устной культуры: дис. в форме науч. доклада … д. филол. наук [Электронный ресурс]. М., 1995. URL: https://ruthenia.ru/folklore/novik2.htm (дата обращения: 10.07.2024).

Путилов Б. Н. Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 295 с.

Садиков Р. Р. Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность). Уфа: Первая типография, 2019. 320 с.

Фаршатов Г. Асьме доры лингвист ветлӥз // Коммунизме. КПСС-лэн Татышлинской райкомезлэн но ужаса улӥсьёслэн депутатъёссылэн районной Советсылэн органзы. 1971. 6-тӥ май. 54-тӥ №.

Христолюбова Л. С. Женщина в удмуртском обществе. XVIII – начало XXI в. Ижевск, 2006. 328 с.

Шутова Н. И. Этнотерриториальные группы удмуртов: обряды и верования северных удмуртов. Ижевск: Шелест, 2018. 290 с.

Authentic 2011 – Authentic geography. Вып. 3. Закамские удмурты. Альманах. Ижевск, 2011. Приложение. CD диск № 6. 142 с.

OED – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.etymonline.com/ (дата обращения: 27.07.2024).